

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ

Гиганты фантастики

Лю Цысинь

**Блуждающая Земля.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

УДК 821.581.312.9

ББК 84(5Кит)-44

Цысинь Л.

Блуждающая Земля. Комплект из 3 книг / Л. Цысинь — «Эксмо»,
— (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-235486-1

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше! С состав входят: Шаровая молния, Возрождение времени, Блуждающая Земля. Комплект выгоднее, чем покупать книги по отдельности. Шаровая молния. Когда Чэнь был еще ребенком, его родители погибли от ужасного взрыва шаровой молнии. С тех пор цель его жизни – исследовать этот загадочный феномен, который изолировал юношу от остального мира. Многолетние поиски приводят Чэня к скалистым вершинам гор, экспериментальной военной лаборатории и к заброшенной советской научной станции. Герой осознает, что шаровая молния – лишь верхушка айсберга. Есть тайны куда более значительные и тревожащие. Чэнь встречает опасных людей: майора армии, одержимого смертоносным оружием, и ученого-физика, напроць лишенного этических соображений в погоне за новыми знаниями. Научные исследования способны завораживать своей красотой. Но вдруг найдутся люди, стремящиеся использовать новейшие открытия, несмотря на последствия для планеты и ее обитателей? Где кончается технологический прогресс и начинается катастрофа? Возрождение времени. Этот научно-фантастический роман примыкает к космической трилогии известного китайского писателя Лю Цысиня «В память о прошлом Земли», повествующей о вторжении высшего инопланетного разума. Книга, созданная соотечественником и преданным фанатом Цысиня – Баошу, – является попыткой объяснить и заполнить некоторые пробелы в оригинальной трилогии; одним из бесчисленных возможных путей, по которым могла бы развиваться вселенная «Трех тел». Звезды все еще ярко сияют, далекая-далекая галактика закручивается мощным водоворотом, и бесчисленные формы жизни по-прежнему скрываются за каждым солнцем, еще не зная, что древняя необозримая Вселенная приближается к концу своего существования. Е Вэньцзе, Майк Эванс, Дин И, Фредерик Тайлер, Чжан Бэйхай, Билл

Хайнс, Ло Цзи, Томас Уэйд... База «Красный Берег», Общество «Земля – Трисолярис», проект «Отвернувшиеся», программа «Лестница», Держатели Меча, проект Космических Убежищ... Память об этих героях и событиях поблекла, но внезапно в безмерном мраке космоса возник призрак, упрямо желающий продолжить историю, которая завершилась. Блуждающая Земля Десять историй, включая пять лауреатов китайской премии «Галактика», являются ослепительно оригинальной одой планете Земля, ее прошлому и будущему. «Уникальная смесь научных и философских допущений, теорий заговора и космологии». – Джордж Р.Р. Мартин * Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

УДК 821.581.312.9

ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-235486-1

© Цысинь Л.

© Эксмо

Содержание

Лю Цысинь	6
Прелюдия	8
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	14
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лю Цысинь, Баошу Блуждающая Земля. Комплект из 3 книг

Лю Цысинь Шаровая молния

Liu Cixin
BALL LIGHTNING

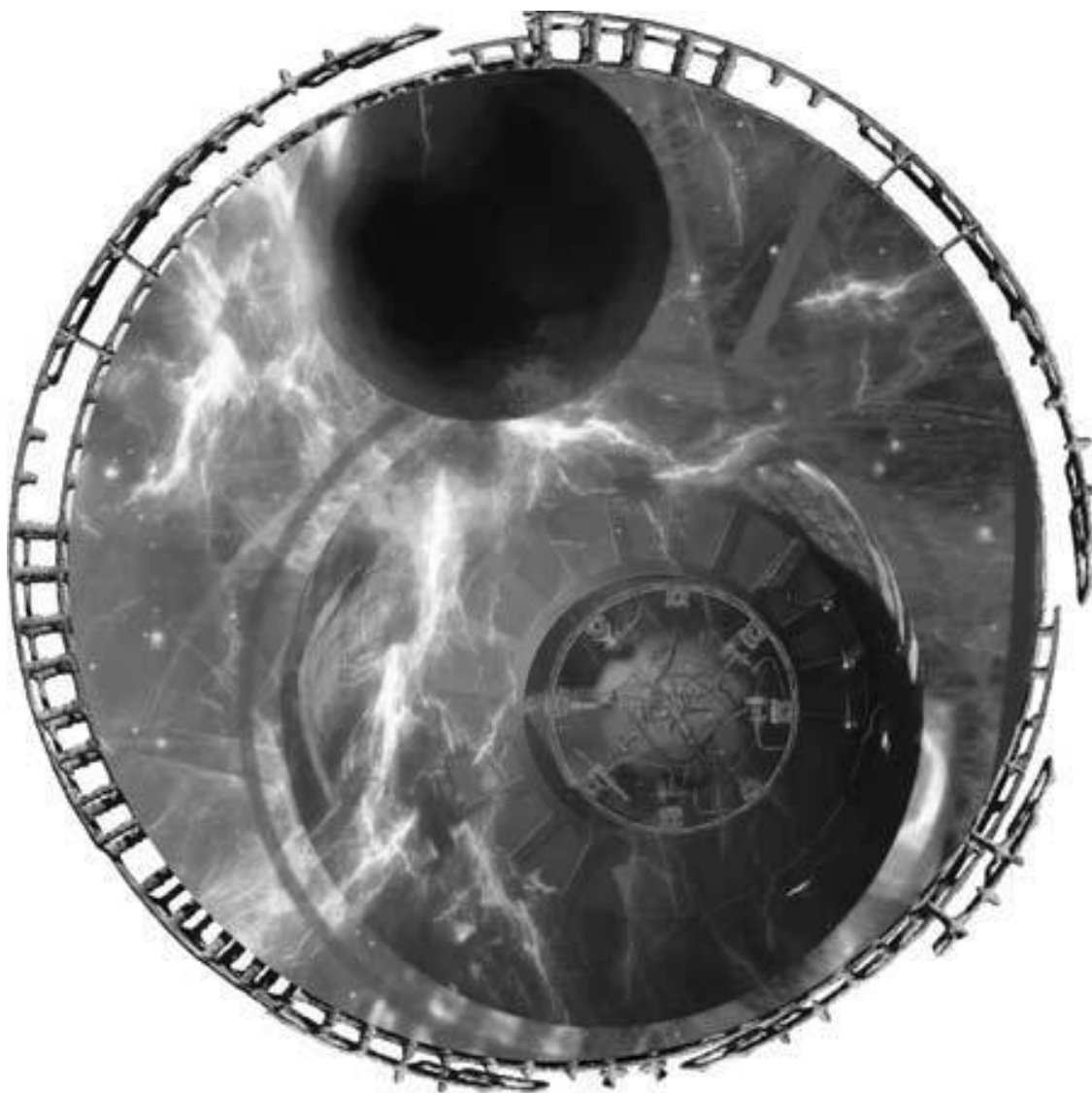
####

Copyright © 2005 by Liu Cixin
Cover Art © 2019 by Stephan Martinieri

Серия «Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ»
Разработка серии Андрея Саукова, Николая Плутахина

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Приведенное в этой книге описание свойств и поведения шаровой молнии основано на реальных фактах.

Прелюдия

Я помнил только, что это был мой день рождения. Мама и папа зажгли свечи на торте, и мы расселись вокруг четырнадцати маленьких язычков пламени.

Гроза в тот вечер была такая, что казалось, будто во всей вселенной не осталось ничего, кроме стремительных вспышек молний и нашей маленькой комнаты. Бело-голубые электрические зигзаги заставляли дождь застыть, превращая его на мгновение в отдельные капли, образующие плотные бусы сверкающего хрустала, зависшие между небом и землей. Мне пришла в голову мысль: мир стал бы завораживающе прекрасным, если бы это мгновение превратилось в действительность. Можно было бы ходить по улицам, завешенным хрусталем, слушая со всех сторон мелодичный перезвон, вот только в таком утонченном мире молния была бы просто невыносимой... я всегда видел мир другим, не таким, каким его видели все остальные. Я хотел изменить мир: это было единственное, что я знал о себе в том возрасте.

Гроза началась еще днем, ближе к вечеру, и гром и молния все ускоряли свой разбег. Сначала после каждой вспышки мое сознание сохраняло образ эфемерного хрустального мира за окном, пока я в напряжении ждал раскат грома. Но затем молнии стали сверкать так часто, что я уже не мог определить, какой раскат относится к какому зигзагу.

В такую грозу остро осознаешь, каким же драгоценным сокровищем является семья, потому что теплые объятия родного дома становятся просто пьянящими, когда представляешь себе все ужасы мира вокруг. Озаренный вспышками молний, ты сочувствуешь тем бездомным, кто дрожит под струями дождя. И хочется открыть окно, чтобы их души залетели домой, но мир вокруг внушает такой страх, что не хочется впускать в тепло ни дуновения холодного воздуха.

– Да, такова наша жизнь, – вздохнул папа, отпивая большой глоток пива. Затем, пристально посмотрев на скопление огоньков, он добавил: – Такая непредсказуемая, все определяет случай. Все равно что ветка, плывущая по ручью, может зацепиться о камень или попасть в водоворот...

– Он еще слишком маленький, – вмешалась мама. – Он ничего этого не понимает.

– Никакой он не маленький! – решительно возразил папа. – В его возрасте пора узнать правду о жизни!

– Ну а ты ее знаешь, – язвительно рассмеялась мама.

– Знаю. Конечно, знаю! – Осушив полстакана, папа повернулся ко мне: – На самом деле, сынок, вести замечательную жизнь совсем не трудно. Слушайся своего отца. Возьми сложную задачу, мирового масштаба, такую, для которой требуются лист бумаги и карандаш, вроде проблемы Гольдбаха¹ или Великой теоремы Ферма², или вопрос чистой естественной философии, для которого карандаш и бумага вообще не нужны, например происхождение вселенной, после чего полностью погрузись в исследования. Думай только о том, как сажать и выращивать, а не о том, как пожинать плоды, и если ты абсолютно сосредоточишься, то не успеешь заметить, как пройдет вся жизнь. Вот что подразумевают люди, говоря о том, чтобы остепениться. Или возьми другую крайность, и пусть единственной целью в жизни для тебя будет зарабатывать деньги. Трать все свое время на то, чтобы думать, как заработать деньги, а не как их потратить, когда наконец их заработаешь, до тех пор, пока ты не окажешься на смертном одре, сжимая кучку золотых монет, подобно господину Гранде³, причитая: «Они меня греют...» Ключ

¹ Проблема Гольдбаха – одна из известных проблем теории чисел; заключается в доказательстве того, что всякое целое число, большее или равное шести, может быть представлено в виде суммы трёх простых чисел. Эту проблему выдвинул в 1742 году русский математик Х. Гольдбах. (Прим. переводчика.)

² Великая теорема Ферма – утверждение французского математика П. Ферма о том, что уравнение $x^n + y^n = z^n$, где n – целое число, большее двух, не имеет решений в целых положительных числах. (Прим. переводчика.)

³ Персонаж повести О. Бальзака «Евгения Гранде», старый скряга. (Прим. переводчика.)

к замечательной жизни – это завораживающая страсть к чему бы то ни было. Возьмем, к примеру, меня... – Папа указал на акварели, лежащие по всей комнате. Они были выполнены в строго традиционном стиле, везде абсолютно правильная композиция, но полное отсутствие жизни. Рисунки мерцающими экранами отражали молнии за окном. – Моя страсть – это живопись, хотя я и сознаю, что никогда не стану Ван Гогом.

– Совершенно верно, – задумчиво произнесла мама. – Идеалисты и циники жалеют друг друга, однако на самом деле и те и другие счастливы.

Обыкновенно полностью поглощенные повседневными заботами, отец и мать превратились в тот вечер в философов, как будто мы отмечали их день рождения.

– Мама, не шевелись!

Я выдернул седой волосок из густой черной маминой шевелюры. Только его кончик был белым. Остальная часть по-прежнему оставалась черной.

Папа поднес волосок к свету и внимательно его изучил. На свету волосок сиял, словно нить накаливания в лампе.

– Насколько мне известно, у твоей матери это самый первый в жизни седой волос. По крайней мере первый, который был замечен.

– Что вы делаете! – воскликнула мама, в отчаянии поправляя прическу. – Выдери один, и вырастут семь новых!

– Вот как? – сказал папа. – Что ж, такова жизнь. – Он указал на свечки на торте. – Предлагаю тебе взять одну свечку и воткнуть ее в песчаный бархан в пустыне. Если не будет ветра, тебе, возможно, удастся ее зажечь. После чего уходи. Что ты почувствуешь, глядя на огонек издали? Мальчик мой, вот какая она, жизнь, хрупкая и неопределенная, неспособная выдержать дуновение ветра.

Какое-то время мы втроем сидели молча, глядя на скопление огоньков, дрожащих на фоне голубых, словно лед, молний, сверкающих за окном, будто перед нами была какая-то крошечная жизнь, которую мы с таким трудом взрастили.

На улице сверкнула особенно яркая вспышка.

На этот раз молния прошла сквозь стену, появившись подобно духу с холста, изображающего веселье греческих богов. Она была размером с баскетбольный мяч и сияла туманным красным светом. Молния изящно пролетела у нас над головами, оставляя за собой тусклый красноватый след. Ее траектория была случайной, и хвост описывал в воздухе над нами сложную фигуру. В полете молния свистела, низкий звук, пронизанный резким высоким завыванием, порождающий образ призрака, играющего на флейте где-то в безлюдной пустыне.

Мама в страхе вцепилась обеими руками в папу: всю свою жизнь, оглядываясь назад, я испытываю бесконечную тоску, потому что, если бы мама не сделала так, возможно, у меня сейчас оставался в живых хотя бы один из родителей.

Явление парило в воздухе, словно ища что-то, и наконец оно это нашло: молния оставилась, зависнув в полуметре у отца над головой, и ее свист стал громким и прерывистым, подобно горькому смеху.

Я видел внутри прозрачное красное сияние. Оно показалось мне бесконечно глубоким, и из бездонного марева вытекало скопление голубых звезд, подобное галактике, какой ее видит дух, несущийся в пространстве быстрее скорости света.

Впоследствии я узнал, что плотность внутренней энергии шаровой молнии может достигать от двадцати до тридцати тысяч джоулей на кубический сантиметр, по сравнению всего с двумя тысячами джоулей на кубический сантиметр у тринитротолуола. И хотя внутри температура может превышать десять тысяч градусов, поверхность остается холодной.

Отец поднял руку, скорее чтобы защитить голову, а не потрогать незваного пришельца. Казалось, полностью вытянутая его рука приобрела притягивающую силу, которая привлекла к себе молнию подобно тому, как устье листа поглощает капельку росы.

Последовала ослепительная вспышка, сопровождающаяся оглушительным грохотом, – мир вокруг меня взорвался.

То, что я увидел после того, как прошло кратковременное ослепление, останется со мной до конца моей жизни. Словно кто-то переключил графический редактор в режим оттенков серого: тела папы и мамы мгновенно стали черно-белыми. Точнее, серо-белыми, потому что черный цвет был следствием теней от света лампы, играющих в складках и углублениях. Цвет мрамора. Папина рука по-прежнему оставалась поднятой, а мама по-прежнему крепко держала его другую руку обеими руками. Казалось, в двух парах глаз, взиравших с окаменевших лиц этих двух изваяний, оставалась жизнь.

Воздух наполнился каким-то странным ароматом, который, как я выяснил впоследствии, был запахом озона.

– Папа! – воскликнул я.

Ответа не последовало.

– Мама! – снова крикнул я.

Ответа не последовало.

Я приблизился к двум статуям: это был самый жуткий момент в моей жизни. В прошлом все мои страхи были по большей части во снах, и мне удалось избежать психического срыва в мире своих кошмаров, потому что мое подсознание продолжало бодрствовать, крича моему сознанию из укромного уголка: «Это сон!» Но сейчас этому голосу пришлось вопить во всю мочь, чтобы заставить меня приблизиться к родителям. Протянув дрожащую руку, я потрогал тело отца, и в то самое мгновение, когда я прикоснулся к серо-белой поверхности его плеча, мне показалось, будто я проникаю сквозь чрезвычайно тонкую и чрезвычайно хрупкую скорлупу. Я услышал тихий треск, как трескается в мороз стакан, когда в него наливают кипяток. Оба изваяния у меня на глазах рассыпались маленькой лавиной.

На полу образовались две кучки белого пепла – это было все, что осталось от моих родителей.

Деревянные стулья, на которых они сидели, стояли на месте, покрытые слоем пепла. Смахнув его, я увидел совершенно нетронутую поверхность, холодную на ощупь. Я знал, что в печи крематория тело нагревается до двух тысяч градусов на протяжении тридцати минут, чтобы превратиться в пепел. Значит, это был сон.

Озираясь вокруг отсутствующим взглядом, я увидел дым, выходящий из книжного шкафа. За стеклянной дверцей шкаф был заполнен белым дымом. Подойдя к нему, я открыл дверцу, и дым рассеялся. Примерно треть книг превратились в пепел, того же цвета, как и две кучки на ковре, но на самом шкафу не было никаких следов огня. Это сон.

Увидев струйку пара, выходящего из приоткрытого холодильника, я открыл дверцу и обнаружил, что замороженная курица полностью прожарена и от нее исходит аппетитный запах; креветки и рыба также были приготовлены. Но компрессор тархтел как ни в чем не бывало, и сам холодильник не имел никаких следов повреждений. Это сон.

Сам я также чувствовал себя несколько странно. Я расстегнул пиджак, и с моего тела посыпался пепел. Надетый на мне жилет сгорел дотла, но пиджак был цел и невредим – вот почему я ничего не замечал до сих пор. Проверив карманы, я обжег руку о какой-то предмет, оказавшийся моим сотовым телефоном, превратившимся в кусок расплавленной пластмассы. Несомненно, это сон, очень странный сон!

Одеревеневшие ноги привели меня обратно к моему стулу, и хотя с этого места мне не были видны две кучки пепла на ковре за столом, я знал, что они там есть. На улице гроза затихала, и молнии сверкали все реже. Затем и дождь прекратился. Потом сквозь прореху в тучах выглянула луна, бросившая в окно неземной серебристый свет. Я по-прежнему сидел оцепеневший, как в тумане. В сознании моем мир прекратил свое существование, и я плавал в бескрайней пустоте. Как долго так продолжалось, пока меня не разбудили лучи восходящего

солнца, упавшие в окно, я не знаю, но, когда я автоматически встал, чтобы идти в школу, мне пришлось собираться с мыслями, чтобы найти свой портфель и открыть дверь, поскольку я по-прежнему тупо смотрел в эту безграничную пустоту...

Неделю спустя, когда рассудок мой в основном вернулся в нормальное состояние, в первую очередь я вспомнил, что это был мой день рождения. В торте должна была торчать только одна свечка – нет, вообще ни одной свечи, потому что в тот вечер жизнь моя началась заново, и я был уже не тем человеком, каким был прежде.

Как сказал в последнее мгновение своей жизни папа, я проникся страстью, и мне хотелось ощутить ту восхитительную жизнь, которую он описывал.

Часть первая

Глава 1 Университет

Обязательные предметы: высшая математика, теоретическая механика, гидродинамика, принцип работы и практическое применение компьютеров, языки программирования, динамическая метеорология, принципы синоптической метеорологии, китайская метеорология, статистическое прогнозирование, долгосрочное прогнозирование, математическое прогнозирование.

Предметы по желанию: циркуляция атмосферы, метеорологический диагностический анализ, грозы и метеорология среднего уровня, предсказание и предотвращение гроз, тропическая метеорология, климатические изменения и краткосрочное предсказание климата, радиолокационная и спутниковая метеорология, загрязнение атмосферы и климатология больших городов, высотная метеорология, взаимодействие атмосферы и Мирового океана.

Всего пять дней назад я разобрался со всеми своими делами и отправился в город, расположенный в тысяче километрах к югу, чтобы поступить в университет. Закрывая в последний раз дверь опустевшего дома, я сознавал, что навсегда оставляю позади свое детство. Отныне я буду машиной, сосредоточенной на достижении одной-единственной цели.

Перечитывая список предметов, которыми мне предстояло заниматься ближайшие четыре года, я испытывал некоторое разочарование. Здесь было много совершенно ненужного, зато отсутствовало то, что действительно было мне нужно, например теория электромагнитных полей и физика плазмы. Я осознал, что, наверное, выбрал не ту специальность и, возможно, мне следовало идти на физический факультет, а не на физику атмосферных процессов.

Поэтому я не вылезал из библиотеки, занимаясь по большей части математикой, теорией электромагнитных полей и физикой плазмы, и посещал только те лекции и семинары, которые были связаны с этими темами, по сути дела, отбрасывая все остальное. Яркая студенческая жизнь меня несколько не интересовала, и она проходила стороной. Случалось, я возвращался в свою комнату в общежитии в час или в два ночи и слышал, как сосед во сне бормочет имя своей подруги – это было единственным напоминанием о том, что существует и другая сторона жизни.

Как-то раз глубоко за полночь я оторвался от толстенной монографии по дифференциальным уравнениям в частных производных. Я полагал, что в такой поздний час я, как обычно, единственный, кто оставался в читальном зале, но, подняв голову, я увидел напротив Дай Линь, симпатичную девушку из моей группы. Учебников у нее не было; она просто положила голову на руки и смотрела на меня. Выражение ее лица вряд ли помогло ей очаровать толпы поклонников; такой вид бывает у человека, обнаружившего в лагере врага, так смотрят на нечто чуждое, и я понятия не имел, как долго она на меня смотрела.

– Странный ты человек, – сказала Линь. – Я вижу, что ты не безмозглый тупица, потому что у тебя есть смысл жизни.

– Вот как? – отмахнулся я. – Цели есть у каждого, разве не так?

Наверное, в нашей группе я единственный никогда не заговаривал с Линь.

– У всех нас цели довольно туманные. Но ты – ты определенно ищешь что-то конкретное.

– А у тебя хороший глаз на людей, – довольно бесцеремонно заявил я, собирая книги и вставая.

Я единственный мог не рисоваться перед Линь, и это внушало мне чувство превосходства.

Когда я уже подходил к двери, она меня окликнула:

– Что ты ищешь?

– Тебе это вряд ли будет интересно. – Я вышел не оглядываясь.

Выйдя на улицу в тишину осенней ночи, я поднял взгляд на небо, полное звезд, и, казалось, ветер донес голос моего отца: «Ключ к замечательной жизни – это страстное увлечение чем-либо». Теперь я понимал, как он был прав. Моя жизнь превратилась в стремительно несущуюся ракету, и у меня было только одно желание: услышать, как она взрывается, попав в цель. Цель эта не имела никакого практического смысла, но, когда я ее достигну, можно будет считать, что моя жизнь состоялась. Я не знал, почему направляюсь именно туда, но достаточно было одного только желания идти, этого импульса, лежащего в основе человеческой природы. Как это ни странно, я никогда не изучал материалы, связанные с Этим. Мы с Ним были двумя рыцарями, посвятившими всю свою жизнь подготовке к одному-единственному поединку, и до тех пор, пока я не буду готов, я не буду Его искать и не буду о Нем думать.

* * *

Незаметно промелькнули три семестра – это время показалось мне одним непрерывным промежутком, поскольку я, не имея дома, куда можно было бы вернуться, проводил все каникулы в университете. Живя в просторном общежитии, полностью предоставленный сам себе, я практически не испытывал одиночества. Только вечером в Праздник Весны, слушая грохот фейерверков на улице, я вспоминал свою жизнь, какой она была до появления Этого, но та жизнь, казалось, завершилась целое поколение назад. Я проводил ночи в своей комнате в общежитии с отключенным отоплением, холод придавал моим снам особую жизненную правдоподобность, и хотя я ждал, что во сне ко мне придут папа и мама, этого не происходило. Я вспоминал индийскую легенду о радже, вознамерившемся после смерти своей возлюбленной построить роскошную гробницу, подобную которой еще не видели. Почти всю свою жизнь он трудился над этой гробницей, и наконец, когда строительство было завершено, заметил стоящий посредине гроб своей возлюбленной и сказал: «А вот это здесь лишнее. Уберите его».

Моих родителей уже давно не было в живых, и Это полностью заполняло мое сознание. Но то, что произошло дальше, запутало мой простой мир.

Глава 2

Первый странный феномен

Летом после окончания второго курса я отправился домой, чтобы сдать старый дом в аренду и выручить деньги для дальнейшего обучения.

Когда я приехал, было уже темно, поэтому я на ощупь нашел замок, отпер дверь и вошел внутрь. Включив свет, я увидел знакомую картину. Стол, на котором во время той страшной грозы стоял торт со свечами, оставался на месте, вокруг него по-прежнему были расставлены три стула, как будто я ушел лишь вчера. Измученный дорогой, я сел на диван и, осмотревшись по сторонам, почувствовал что-то неладное. Сперва чувство это было неясным, но, по мере того как оно приобретало очертания, подобно подводному рифу, появляющемуся из тумана, я уже не мог не обращать на него внимания. Наконец я обнаружил, в чем дело.

Казалось, я ушел из дома только вчера.

Я осмотрел стол: он был покрыт слоем пыли, слишком тонким для тех двух лет, что я отсутствовал.

Я направился в ванную, чтобы смыть с лица грязь и пот. Включив свет, я отчетливо увидел себя в зеркало. Слишком отчетливо. Зеркало не должно было быть таким чистым. Я прекрасно помнил, как однажды, когда я еще учился в начальной школе, мы с родителями в летние каникулы уехали из дома, и хотя мы отсутствовали всего месяц, когда мы вернулись, я на пыльной поверхности зеркала нарисовал человечка. Теперь же я несколько раз провел пальцем по зеркалу, но ничего не смог нарисовать.

Я открыл воду. После двух лет бездействия из железного крана должна была потечь ржавчина, но вода была совершенно чистой.

Вымыв лицо, я вернулся в гостиную и обнаружил кое-что еще: два года назад, покидая дом, я, перед тем как закрыть дверь, напоследок окинул комнату взглядом на тот случай, если что-нибудь случайно забыл, и заметил стоящий на столе стакан. У меня мелькнула мысль перевернуть его, чтобы он не собирал пыль, но руки у меня были заняты тяжелыми чемоданами, возвращаться мне не хотелось, и я оставил все как есть. Я отчетливо запомнил эту деталь.

Однако сейчас стакан стоял на столе перевернутый!

В этот момент пришли соседи, увидевшие свет в окнах. Они встретили меня теми ласковыми словами, которыми обращаются к сироте, уехавшему учиться, пообещав мне позабо-

титься о сдаче дома в аренду, а если после окончания университета я не захочу возвращаться, помочь мне выручить за него хорошие деньги.

– Похоже, после моего отъезда экология у вас стала получше, – вскользь заметил я, когда разговор перешел на перемены, случившиеся за два года.

– Получше? Открой глаза! В прошлом году заработала новая электростанция на угле, а также нефтеперегонный завод, и теперь пыли вдвое больше, чем было до твоего отъезда! Ха! Где сейчас экология становится лучше?

Бросив взгляд на стол и тонкую пленку пыли на нем, я промолчал, но, когда уже провожал соседей, не удержался и спросил, есть ли у них ключ от моего дома. Они удивленно переглянулись и ответили, что, разумеется, ключа у них нет. Я им поверил, потому что всего было пять ключей, из которых до сих пор использовались только три. Уезжая два года назад в университет, я забрал все три с собой: один был сейчас у меня, а два других находились далеко, в моей комнате в общежитии.

После ухода соседей я осмотрел окна: все они закрывались плотно и не имели никаких следов взлома.

Оставшиеся два ключа принадлежали моим родителям. Однако в ту ночь они расплавились. Я никогда не забуду, как нашел эти два бесформенных металлических комочка среди пепла, оставшегося от моих родителей. Эти ключи, расплавившиеся и снова затвердевшие, хранились у меня в общежитии за тысячу километров отсюда как свидетельство той фантастической энергии.

Какое-то время я сидел на диване, после чего стал собирать вещи, которые предстояло забрать с собой или отдать на хранение, если я буду сдавать дом. Первым делом я сложил отцовские акварели, это то немногое, что я хотел сохранить. Сначала я снял те, что висели на стенах, затем принес остальные из кабинета и уложил все в картонную коробку. Затем я обнаружил еще один рисунок, лежавший на дне ящика в книжном шкафу, перевернутый, почему я его сперва и не заметил. Прежде чем убрать рисунок в коробку, я взглянул на него, и что-то приковало мое внимание.

Это был пейзаж, вид, открывающийся с порога нашего дома. Картина убогая: несколько серых четырехэтажных домов без лифта, два ряда тополей, безжизненных от покрывающей их пыли... Как третьесортный художник-любитель отец был очень ленивым. Он редко отправлялся рисовать с натуры в реальный мир, довольствуясь унылыми образами вокруг. Отец говорил, что не бывает скучных красок – есть только посредственные художники. Именно таким художником и был он сам, и все эти скучные сюжеты, еще больше одеревеневшие вследствие его безжизненного копирования, действительно передавали ежедневную жизнь нашего убогого города на севере страны. Акварель, которую я сейчас держал в руках, мало чем отличалась от многих других, уже лежащих в коробке, не выделяясь среди них ничем определенным.

Однако я кое-что заметил: водонапорная башня была нарисована более яркими красками по сравнению с окружающими ее старыми зданиями и выделялась среди них красотой солнечного утра. На самом деле ничего особенного, поскольку недалеко от нашего дома действительно стояла водонапорная башня. Выглянув в окно, я увидел высокое сооружение на фоне огней города.

Вот только когда я уезжал в университет, строительство башни еще не было завершено. Два года назад башня была возведена лишь наполовину и стояла в окружении строительных лесов.

Меня охватила дрожь, и рисунок выскользнул из руки. Казалось, в этот жаркий летний день по дому разнеслось дыхание холодного воздуха.

Засунув акварель в коробку, я плотно закрыл крышку и стал собирать остальные вещи. Я старался сосредоточиться на насущных задачах, но рассудок мой был подобен иголке, подвешенной на нитке, а коробка служила мощным магнитом. Сделав над собой усилие, я направлял

иголку в другую сторону, но как только я расслаблялся, иголка тотчас же снова поворачивалась в ту сторону. На улице начался дождь. Капли мягко стучали в оконное стекло, однако мне казалось, будто звук исходит из коробки... Наконец, не в силах больше выносить это, я бросился к коробке, открыл ее, достал рисунок и отнес его в ванную, следя за тем, чтобы держать его перевернутым. Взяв зажигалку, я поджег рисунок с одного угла. Когда сгорела примерно треть, я не выдержал и перевернул рисунок. Водонапорная башня стала еще более жизнеподобной, чем прежде, и словно выступила с поверхности бумаги. Я смотрел, как пламя пожирает ее, и краски становятся странными, притягательными, по мере того как акварель сгорает. Бросив оставшийся кусок в раковину, я проследил, как он полностью догорел, после чего открыл воду и смыл пепел в слив. Когда я закрыл кран, мой взгляд упал на кое-что, лежащее на краю раковины, что я не заметил, когда споласкивал лицо.

Несколько волосков. Длинных.

Одни волоски были седые, совершенно белые, и потому сливались с белым фаянсом, другие были седые лишь наполовину, и черные участки привлекли мое внимание. Определенно, я не мог оставить здесь эти волоски два года назад. Я никогда не носил волосы такими длинными, и у меня не было ни одного седого волоска. Я осторожно поднял наполовину черный, наполовину белый волосок.

«...выдери один, и вырастут семь новых...»

Я отшвырнул волосок так, словно он обжег мне руку. Волосок медленно полетел вниз, оставляя за собой след: след, состоящий из мимолетных образов многих волосков, словно имела место инерция зрительного восприятия. Волосок не упал на пол под раковиной, а в середине полета растворился в воздухе. Я посмотрел на остальные волоски, лежавшие на раковине: они также бесследно исчезли.

Засунув голову в раковину, я долго держал ее под струей воды, затем нетвердой походкой вернулся в гостиную, сел на диван и стал слушать дождь. Он усилился, но молний и грома не было. Дождь стучал в окно, похожий на человеческий голос, а может быть, на тихие голоса многих людей, пытающихся мне о чем-то напомнить. Вслушиваясь, я начал представлять себе смысл этого шепота, который, повторяясь, становился все более и более отчетливым:

В тот вечер была молния, в тот вечер была молния, в тот вечер была молния, в тот вечер была молния, в тот вечер была молния...

И снова я в дождливую ночь просидел в этом доме до рассвета, и снова обессиленный покинул дом. Я понимал, что оставляю здесь что-то навсегда, понимал, что я никогда больше не вернусь сюда.

Глава 3

Шаровая молния

Мне предстояло вплотную столкнуться с ней, потому что в следующем семестре должны были начаться занятия по атмосферному электричеству.

Курс атмосферного электричества преподавал доцент по имени Чжан Бинь. Лет пятидесяти, не высокий и не маленький, в очках, не толстых и не тонких, голос не громкий и не тихий, и лекции его не были ни замечательными, ни ужасными. Одним словом, совершенно средний человек, но только он слегка прихрамывал на левую ногу, хотя заметить это можно было, только если присмотреться внимательно.

В тот день я остался после занятий в лекционном зале один, если не считать Чжан Биня, который собирал свои вещи на кафедре и не замечал меня. Осеннее солнце бросало в зал золотистые лучи, слой золотистых листьев покрывал подоконник.

Встав, я подошел к кафедре.

– Профессор Чжан, я хочу задать вам вопрос, совершенно не связанный с темой сегодняшней лекции.

Смерив меня взглядом, профессор кивнул и снова переключил внимание на свои вещи.

– Это связано с шаровой молнией. Что вы можете о ней рассказать?

Я произнес слова, которые хранил в самых потаенных глубинах своего сердца, не смея высказать их вслух.

Оторвавшись от своих вещей, профессор поднял взгляд, но не на меня, а в окно на заходящее солнце, словно именно об этом я и спрашивал.

– Что именно вы хотите узнать? – помолчав, спросил он.

– Всё, – ответил я.

Чжан Бинь продолжал смотреть на солнце, купаясь в его лучах. Оно в это время было еще довольно ярким. Неужели ему не слепило глаза?

– Например, историческая справка, – подсказал я.

– В Европе первые упоминания относятся к Средним векам. В Китае относительно подробное описание сделал Чжан Цзюйчжэн во времена династии Мин. Однако первое строгое научное описание датируется лишь 1837 годом, и только последние сорок лет научное сообщество воспринимает шаровую молнию как природное явление.

– Есть какие-либо теории на ее счет?

– Есть, и много.

После этого простого предложения Чжан Бинь умолк. Он отвернулся от заходящего солнца, но не стал заниматься своими вещами, погруженный в глубокие раздумья.

– Какие теории являются наиболее распространенными?

– Большинство ученых сходятся в том, что шаровая молния – это вихрь плазмы, имеющей очень высокую температуру, чье быстрое внутреннее вращение порождает силу, уравнивающую давление окружающей атмосферы, тем самым позволяя ей сохранять стабильность на протяжении относительно длительного времени.

– И?

– Другие считают, что это химическая реакция в обладающей высокой температурой смеси газов, благодаря которой поддерживается энергетическое равновесие.

– Больше вы ничего не можете рассказать? – спросил я.

Вытягивать из профессора Чжана ответы было все равно что пытаться сдвинуть тяжелый мельничный жернов, после каждого усилия едва перемещающийся на дюйм.

– Существует также теория уединенных волн малой длины, которая говорит, что шаровая молния порождается атмосферным мазером объемом несколько кубических метров... Мазер подобен лазеру, только гораздо менее мощному, который способен породить в большом объеме воздуха локализованное магнитное поле, а также уединенные волны, образующие видимую шаровую молнию.

– Ну а самые последние теории?

– Их великое множество. Например, одна привлекла к себе определенное внимание благодаря работам Абрахамсона и Динниса из Кентерберийского университета в Новой Зеландии. Их теория гласит, что шаровая молния своим появлением в первую очередь обязана окислению тончайших сетей наночастиц кремния. Существует и много других теорий, и кое-кто даже верит в то, что это реакция холодного ядерного синтеза, проходящая в воздухе. – Профессор помолчал, но затем выдал новую информацию: – У нас в стране один ученый из Института исследования атмосферы Китайской академии наук выдвинул теорию атмосферной плазмы, которая начинается с уравнений гидродинамики, и предлагает модель векторного резонатора, которая при соответствующих граничных температурах теоретически способна породить в атмосфере плазменный вихрь, шаровую молнию. Его математические выкладки описывают необходимые и достаточные условия ее существования.

– А каково ваше мнение насчет этой теории?

Профессор мягко покачал головой:

– Для доказательства теории достаточно лишь получить шаровую молнию в лабораторных условиях, однако до сих пор это никому не удавалось.

– Как часто у нас в стране наблюдались шаровые молнии?

– Довольно часто. Не меньше тысячи раз. Самый известный случай произошел в 1998 году, когда государственное телевидение снимало документальный фильм о борьбе с последствиями наводнения на реке Янцзы и в кадр случайно попала шаровая молния.

– И последний вопрос, профессор. В сообществе ученых, изучающих физические процессы в атмосфере, есть те, кто лично наблюдал шаровую молнию?

И снова профессор Чжан устремил взор в окно на заходящее солнце.

– Да.

– Когда это было?

– В июле 1962 года.

– Где?

– Пик Юйхуан на горе Тайшань.

– Вам известно, где сейчас этот человек?

Покачивая головой, Чжан Бинь поднял руку и взглянул на часы.

– Вам нужно поторопиться в столовую, чтобы успеть на обед.

Собрав свои вещи, он покинул лекционный зал.

Догнав его, я наконец задал ему вопрос, не выходявший у меня из головы все эти годы:

– Профессор Чжан, вы можете себе представить похожий на шаровую молнию объект, который беспрепятственно проходит сквозь стены и мгновенно превращает в пепел человеческое тело, хотя жар от него не исходит? Есть упоминание об одной супружеской паре, которая была испелена прямо в кровати, однако на постельном белье не осталось никаких следов от огня! Вы можете себе представить, как молния проникает в холодильник и мгновенно разогревает до готовности все замороженные продукты, при этом никак не влияя на работоспособность самого холодильника? Вы можете представить себе, как она сжигает дотла рубашку прямо на теле человека, а тот ничего не чувствует? Могут ли объяснить все это теории, которые вы только что перечислили?

– Ни одна из этих теорий не имеет доказательств, – не замедляя шага, сказал профессор.

– Ну а если мы выйдем за пределы физики атмосферных явлений, как вы думаете, в остальной физике и даже вообще во всей науке существует объяснение этому феномену? Неужели вам нисколько не любопытно? Ваша реакция поражает меня даже больше, чем само зрелище шаровой молнии!

Остановившись, Чжан Бинь впервые посмотрел мне в лицо:

– Вам доводилось видеть шаровую молнию?

– Я... я просто выразился образно.

Я не мог раскрыть свою самую сокровенную тайну этому бесчувственному человеку, стоящему передо мной. Общество поражено безразличием к загадкам естественного мира, несущим погибель науке. Если бы наука была свободна от подобных людей, как знать, быть может, человечество к настоящему времени уже достигло бы Альфы Центавра!

– Физика атмосферных явлений имеет большое прикладное значение, – сказал профессор. – Но шаровая молния является настолько редким явлением, что ни в международном стандарте защиты от молний ИЕС/ТС–81, ни в китайском стандарте защиты строений от молний от 1993 года нет никаких упоминаний о ней. Так что на самом деле нет никакого смысла посвящать ей свои усилия.

Мне нечего было сказать такому человеку, как профессор Чжан Бинь, поэтому я поблагодарил его и ушел. Сказать по правде, для него шагом вперед было уже признание существо-

вания шаровой молнии. До того как научное сообщество в 1963 году официально признало ее существование, все свидетельства очевидцев списывались на галлюцинации. В тот год Роджер Дженнисон, профессор электроники Кентского университета, лично наблюдал шаровую молнию в нью-йоркском аэропорту; молния имела вид огненного шара диаметром около двадцати сантиметров, который прошел сквозь стену ангара, затем сквозь стоящий в нем самолет и, наконец, исчез за другой стеной.

В тот вечер я впервые искал во Всемирной паутине словосочетание «шаровая молния». Особых надежд я не питал, однако в конечном счете поиски дали мне больше сорока тысяч интернет-страниц. Впервые у меня было такое чувство, будто все человечество наблюдает за тем, чему я готовился посвятить всю свою жизнь.

* * *

Начался новый семестр, а затем как-то незаметно наступило знойное лето. Для меня лето имело еще одно значение: начнутся грозы, которые приблизят меня к Этому.

Как-то раз меня совершенно неожиданно разыскал Чжан Бинь. Курс, который он нам читал, закончился еще в прошлом семестре, и я практически не вспоминал о нем.

– Чэнь, – начал профессор, – я услышал, что родителей ваших нет в живых и с деньгами у вас туго. У меня на лето намечен один проект, и мне нужен еще один ассистент. Не хотите этим заняться?

Я спросил у него, что это за проект.

– Речь идет о параметрической демонстрации громоотвода для железной дороги в провинции Юньнань, который в настоящий момент находится в стадии разработки. И есть еще одна цель. В новом государственном стандарте защиты от молний, который сейчас обсуждается, планируется заменить нынешнее единое значение наземной плотности вспышек, равное $0,015^4$, на рассчитанные для каждого района исходя из конкретных местных условий. И мы ведем в Юньнани наблюдения.

Я согласился. Хоть богатым назвать меня было нельзя, денег на жизнь мне хватало, я согласился потому, что мне впервые предоставлялась возможность заняться практическим изучением молний.

Наша группа состояла из четырнадцати человек, которые были разделены на пять бригад, распределенных по большой территории, в нескольких сотнях километров друг от друга. В бригаде, в которой оказался я, было три научных работника, помимо водителя и техников, помогавших с проведением экспериментов: я, Чжан Бинь и студент последнего курса по имени Чжао Юй. Прибыв на место, мы поселились в окружной метеостанции.

На следующий день погода была хорошая, и мы приступили к практической работе. Когда мы переносили оборудование и приборы из машины в комнату, где был устроен временный склад, я спросил:

– Профессор Чжан, какие методы существуют для исследования внутренней структуры молнии?

Профессор внимательно посмотрел на меня, словно прочитав мои мысли.

– Судя по характеру нынешних инженерных работ, изучение структуры молнии не входит в число первоочередных задач. В настоящий момент приоритетом являются крупномасштабные статистические исследования.

Когда я заводил разговор на тему, имеющую хоть какое-то отношение к шаровой молнии, профессор пропускал мой вопрос мимо ушей. Очевидно, он терпеть не мог все, что не имело практической ценности.

⁴ Среднегодовое количество вспышек молнии на квадратный километр. (Прим. переводчика.)

Однако на мой вопрос ответил Чжао Юй:

– Их не так уж и много. В настоящее время мы даже не можем непосредственно измерить напряжение. Нам приходится рассчитывать его косвенно, исходя из измерений силы тока. Наиболее распространенным инструментом для изучения структуры молнии является... ну вот это. – Он указал на цилиндрический предмет в углу комнаты. – Это устройство магнитной записи, и оно используется для фиксации значений амплитуды и полярности тока, протекающего в молнии. Оно сделано из материала, обладающего высокой остаточной намагниченностью, и когда внутренний проводник вступает в контакт с молнией, по остаточной намагниченности можно рассчитать амплитуду и полярность. Эта трубка изготовлена из марганцево-кремниевого сплава, но бывают также пластмассовые, заполненные железным порошком.

– И мы будем использовать это устройство?

– Разумеется. Зачем же еще мы его сюда привезли? Но об этом после.

Первый этап нашей работы заключался в установке в исследуемой зоне системы определения количества молний, которая собирала бы сигналы от большого числа разбросанных по всему району датчиков молний и передавала данные в компьютер для автоматического составления статистики количества, частоты и распределения ударов молний. На самом деле эта система только осуществляла подсчет и фиксировала местонахождение и не собирала никаких физических характеристик, поэтому меня она нисколько не заинтересовала. Работа заключалась в основном в том, чтобы расставлять на местах датчики, а сделать это было непросто. В редких случаях, когда нам везло, мы закрепляли датчики на столбах электропередачи и ретрансляционных вышках, однако по большей части нам приходилось самим устанавливать высокие шесты. Через несколько дней рабочие стали постоянно жаловаться.

Ничто не интересовало Чжао Юя, и меньше всего – работа. Он старался увильнуть от нее при любой возможности. Первое время Юй восхищался красотами тропических лесов, но, когда новизна впечатлений прошла, он пал духом. И тем не менее общаться с ним было легко, и мы много беседовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.